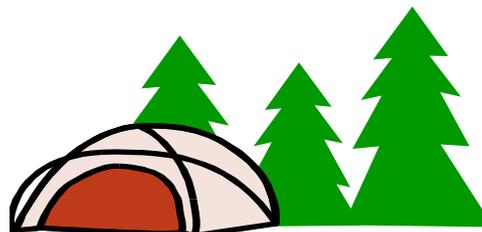

Исторический реформатор в художественном образе

К 160-летию со дня рождения
Шабдана Джантаева
(1839-1912)

НОВЕЛЛА О НАЛОГАХ

Закончив неотложные дела, Беклербек вызвал Шабдана:

-Джигит! Твой знатный род и твой подвиг, достойный песнопений, обязывает меня к тому, что я сейчас скажу. Ты отказался от бекства в Пишпеке. Платить золотыми тилла я не могу: сколько ртов! Сколько расходов! По обычаю ты имеешь право на мюльк. Я даю в пользование тебе кишлак Алтын-Су. Это обильный мюльк: все предписанные законом сборы с этого селения принадлежат отныне тебе, и ты можешь не вносить в ханскую казну ни единого пула. Кишлак небогатый, но у меня нет пока лучшего. Потряси как следует жителей и они развяжут пояса.

Узнав о награждении Шабдана, к нему подступили два приятеля: Пасим-кулак и Али-Шир.

-Знаем этот кишлак. Он ничтожен, однако может приносить доход, если взяться уметь, - сказал Пасим-кулак.

Надо поехать туда, все осмотреть хозяйским глазом. Если доверить сбор податей перекупщику - амлякдару, тот непременно половину присвоит себе, - добавил Али-Шир.

-Мы поедем с тобой! - вскричал Пасим-кулак, хлопнув Шабдана по плечу. - Ты неопытен, а неопытность подобна слепоте.

-Кишлак был приметен еще издали - по молодым тополям. При ближайшем знакомстве он оказался маленьким, жалким, состоявшим из трех десятков лачуг в окружении огородов и совсем еще молодых садилов.

Али-Шир пояснил:

-Малля-хан, повелитель наш, будучи в Ташкенте, приказал устроить здесь селение, распахать бросовые земли. Из окрестных селений пришли безземельные и осели здесь: хан освободил их от податей на целый год. А потом еще год владел этим мюльком парваначи Рустамбек. Боюсь, он обобрал жителей до нитки и тебе нечего будет с них взять.

-Всегда можно найти, что взять, если уметь, - заметил Пасим-кулак.

-С одной овцы две шкуры не снимешь, - сказал Шабдан. - Но сначала увидим, потом решим.

У околицы гостей встретила небольшая толпа: угрюмые лица, рваные халаты. Лишь один человек имел сытое лицо и добротный халат.

Он принялся восклицать:

-Прибыли господа, подобные звездам! На колени, ничтожные, перед светлейшими беками!

Толпа рухнула на колени.

-Кто ты, о человек! - спросил Али-Шир.

-Я амлякдар (сборщик налогов) на службе солнцеподобного хана.

-Ты больше не надобен. Это владение отныне принадлежит вот этому беку. А вот обельная ханская грамота на мюльк. Передай это своему серкеру (начальнику округа). Ступай. Кто из вас старший? - обратился он к толпе.

Выступил худой, как жердь, человек в рваном халате с козлиной бородкой.

-Я кишлачный аксакал Бабаджан, сын Амиджана.

-Али-Шир и Пасим-кулак расхотались.

-Ну и аксакал! Сухая урючина.

-Я такой же чайрикер, как и мои соседи, а чайрикеры пузатыми не бывают.

-Ну и чайрикер! Кожа да кости. Как ты не рассыпаешься на ходу!

-Верно, господин, - ответил аксакал-чайрикер. - Кожа да кости - главное. Друг другу помогают. Кости держат кожу, чтобы не опала, а кожа - кости, чтобы не развалились, хотя известно: для тощей лошади и хвост в тягость.

Гостей некуда было даже пригласить - для таких важных лиц жалкие мазанки, разумеется, были непригодны. И все-таки бекам пришлось войти в мазанку Бабаджана - на улице стоял холод.

-Эй, а где угощение? - сердито спросил Пасим-кулак. Бабаджан поклонился.

-Я послал в соседний кишлак за китайским чаем. Сейчас прибегут.

-Прибегут? Что же, в кишлаке нет коня?

-Нет, пресветлый бай. Был один ишак, на нем уехал вчера за хворостом другой ишак по имени Максут, и у него отобрали первого ишака сборщики хана.

-По какой причине?

-Он не смог уплатить отун-пули - подать за право собирать курай, хворост, сухие палки на топливо. Не нашлось самой мелкой монеты.

-Что же, во всем кишлаке нет денег?

-Нет, сиятельный бек. Все забрали сборщики.

-Да вы просто лентяи, потому и бедны! Разве не знаешь поговорку: будешь работать - к зиме оденешься, не будешь работать - всю зиму дрожать придется.

-Начальник что ни скажет - правда! - ответил Бабаджан. - Только я всю жизнь работаю, - он показал мозолистые руки, - и каждую зиму дрожу, - он потряс своим рваным халатом.

-Трудолюбие - отец достатка, бережливость - мать его, - поучал Али-Шир. - Если есть с оглядкой - останется целый баран, если есть умеренно - останется половина, если есть до отвала - что останется?

-Золотые слова! - подтвердил чайрикер. - У меня четвертый год один баран - и все целый,,,

Подали чай и к нему три просяные лепешки, серые от золы.

-Что это такое? - спросил Пасим-кулак брезгливо. Разве такой хлеб подают бекам?

Бабаджан поклонился в пояс.

-Да простит Высокорожденный мое жалкое слово: нет пшеницы во всем кишлаке. Сборщики нашего великого хана забрали в счет хараджа.

Али-Шир сделал глоток, скривился и выплюнул. Остатки плеснул в лицо Бабаджану:

-Пес! Да подавится твой отец таким чаем!

-Наглость твоя не имеет предела - поддакнул Пасим-кулак и пнул хозяина сапогом.

Шабдан тоже глотнул - отвратительный, чуть теплый напиток, более похожий на ополоски.

Бабаджан кланялся, глухо бубнил:

-Сейчас будет мясо. Барана уже зарезали, хворост притащили.

Наконец, подали баранину, а в щербатых кисах - крепкий бульон, сдобренный травами.

-Где соль? - потребовал Али-Шир.

Бабаджан забеспокоился, раскрыл рот, но в это время вбежал запыхавшийся мальчишка с крошечным кулечком в руке.

Вот соль, - Бабаджан развернул кулечек, положил перед гостями.

Пасим-Кулак недоверчиво разглядывал крупнотолченую соль: в ней темнели крапинки песка.

-Что же у вас в кишлаке другой соли нет?

-У нас вовсе нет соли, еще в прошлом месяце кончилась. Пришлось посылать к соседям.

-Почему же вы не послали человека в соляные копи?

За добычу соли тоже надо платить подать - намак-пули,,,

-Никогда не поверю, чтобы кишлачному жителю нечего было продать на базаре и выручить десяток таньга! - оказал Али-Шир.

-А что продать? Все забрали доблестный парваначи Рустамбек и амлякдары. А если и повезешь полмешка урюка - что за него выручишь? За переправу требуют пошлину - коми-пули, за место на базаре - пошлину таги-джай, за весы - сбор терезы. Если останется одна таньга, то ее не хватит уплатить за арычную воду - су-пули (а ведь арык мы сами проводили), чтобы было чем полить ту самую урючину.

Так сложится и продайте одного барана - он стоит три тилла. Этим вы с избытком покроете все базарные и арычные пошлины. Или скажешь, у вас и баранов нет?

-Было несколько, да их забрали сборщики: одних в счет зякета, других - как подать с гулека. На весь кишлак осталось два барана, одного опять-таки забрали сборщики, потому что нам нечем было уплатить пошлину за пользование пастбищем - кок-пули.

-А второго?

-Второго подали вам,,,

-Послушать тебя, так у вас все сборщики забрали. Сдается мне, - Али-Шир обратился к Шабдану. - Этот староста - большой плут. Зря мы отпустили амлякдара - тот бы мигом нашел все, что эти бессовестные припрятали. Советую тебе: проучи его хорошенько плетью, да пройдишь по дворам - сразу все отыщется.

Шабдан невольно вздохнул. Ему вспомнились многочисленные поборы, которыми ханские сборщики облагали его родные кочевья. Алал-якет - по овце с каждой полсотни, иной раз - из сорока. Тюнлюк-зякет - еще по одной овце с каждой юрты. И еще харадж - по три овцы с гумна,

ведь кочевники обязательно имеют пашни, иначе, где взять пшеницу и просо для лепешек, талкана, бозы, джармы? А золотая тилла - монета, равная цене трех баранов? Ее собирали раз в несколько лет на военные нужды; последнее время собирали каждый год.

И это еще не все. Кокандские власти требовали с сарыбагышских и солтинских родов каждую осень до 5000 пудов проса и пшеницы - на прокормление гарнизонов Пишпека, Мерке, Токмака. Помимо всего этого приходилось кормить еще и грабителей - зякетчи, которые из осторожности ходили большими партиями.

Да что про все эти подати? Казии говорят: так велит шариат - свод мусульманских законов. Но земля с незапамятных времен принадлежала сарыбагышам, бугинцам, солто, саякам - причем здесь кокандский хан и его сборщики?

Однако Шабдан, человек знатного рода "белая кость", как-то не вспомнил, сколько подношений и "даров", добровольно-принудительных, вынуждены делать простые кочевники ("черная кость") своим родовым владыкам, в том числе и ему, Шабдану...

-Эй, староста! - сказал наевшийся Пасим-Кулак. - Поддай-ка мне вашего насваю, свой я забыл дома.

-Пусть простит господин печальное слово, но у нас во всем кишлаке нет насвая.

-Что же, вы не сеете табак?

-Посеяли немного, но его забрали сборщики в счет табачной пошлины - тамбаку-пули...

Пасим-Кулак так рассвирепел, что бедный староста в страхе выскочил за дверь.

-Я здесь больше не останусь! - кричал бек. - Сейчас же возвращаюсь в Ташкент.

-Я тоже, - поддержал Али-Шир.

-Я остаюсь, - отозвался Шабдан. - Надо же разобраться с жителями.

-Советуем взять десяток сипаев и потрясти здешних скряг; без плетей с них и таньга не вытрясешь!

После ужина Шабдан вышел познакомиться с жителями дарованного ему кишлака. Они уже собрались у мазанки старосты - молодые, старые, прямые и сгорбленные, в рваных халатах и жалкой обуви на сыромятной коже. В толпе он заметил молодого парня в киргизской шапке. На вопрос бека парень ответил, что он кыргыз с Алая, живет в той мазанке пока один, жены нет - на калым средств не хватает. А еще ведь за женитьбу надо платить большую пошлину - неках...

Шабдан велел парню отвести коня себе во двор.

В толпе перешептывались:

-Будет у него ночевать... Беда Ибрагиму; ведь у него только одна кошма да рваное одеяло - подушки и той нет! Надо собрать по дворам, иначе все мы отведем плетей...

-Не бойся меня парень, - сказал Шабдан. - Я вижу, ты беден. Угощения больше не нужно. Разве что принести того чаю - жажда одолевает...

...Приняв пиалу, Шабдан подал хозяину три золотые монеты, на каждой было выбито имя Малля-хана.

-Вот тебе на калым...

У Ибрагима глаза полезли на лоб. Он стоял в оцепенении.

-Бери не бойся. Да садись - побеседуем... Я тоже кыргыз. Из сарыбагышей - слышал о таких? Расскажи мне, как ты оказался здесь?

Ибрагим присел в отдалении, у самого порога. Однако лед недоверчивости растаял; золотые тилла оказали магическое действие. Поощряемый доброжелательной улыбкой и сочувственными возгласами удивительного бека, он неожиданно для самого себя, рассказал все...

...Когда-то давным-давно саякский бий Жамболот, дед знаменитого Тайлак-батыра, вывез предков Ибрагима с берегов реки Или. Жамболот прославился разбойничьими набегами на близких и дальних соседей. Из пленников, доставленных им в Центральный Тянь-Шань, со временем даже образовались маленькие роды -осколки соседних племен и народов: кытай, мундуз, кыпчак, саруу, калмак, таджик, казах. И прадед, дед и отец Ибрагима были рабами. И сам от рождения - наследственный раб-кул.

Каждый джигит должен знать семь поколений предков - джети ата. Он, Ибрагим, знает только четыре. Да и позволительно ли рабу иметь свою родословную? Он запомнил из рассказов умершей матери, будто и ее, и ее отца выиграл как приз на скачках отец Алымбека - датхи Алайского.

С тех пор они жили-существовали на Алае. Что может быть тяжелее рабской доли? Отец погиб при снежном обвале, спасая хозяйских овец. Мать умерла от укуса жолока - ядовитого клеща. Сам Ибрагим с детства был представлен к Абдулла-беку, старшему сыну Алымбека-датхи и Курбанджан. Молодой хозяин отличался властным и гордым нравом, у раба выявился строптивый характер.

Поэтому плети, зуботычины ему доставались каждый день.

Он не выдержал - сбежал. Поймали. Абдулла-бек самолично задал ему знатную плетку и, не желая терпеть дерзкого подле себя, велел продать в Оше на базаре.

Правили в то время Кокандом Худояр-хан и тесть его кыпчак Мусульманкул¹. Тогда впервые, некоторых преступников, приговоренных к смертной казни, стали отправлять на страшный свинцовый рудник Кан-и-Гут ("Рудник погибели"). Попал туда и раб Ибрагим - опять-таки за свою строптивость...

В глубине гор есть одна гора, а в ней прикрытый со всех сторон холмами - большой грот. Из грота в чрево горы ведет узкий лаз - только-только пролезть. Там, под землей, он разветвляется на многие лазы, ведущие к рудным жилам.

Ходы тянутся на много сотен гязов, то сужаются так, что еле-еле пролезть тощему человеку, то расширяются в залы и комнаты величиной с юрту - значит в таких местах выработали всю свинцово-серебряную руду многие поколения рудокопов при свете чадящих факелов... Иногда в заброшенных штольнях встречаются кости и черепа...

Попавшему сюда нет обратной дороги в мир, где зеленеют пастбища, блеют бараны...

Целый день осужденные на смерть долбят эту руду, из которой потом делают свинец для ружей и звонкие таньга. А того, кто возвратится из лаза с пустыми руками, стражники убивали на месте.

-Как же ты вырвался оттуда? - спросил Шабдан.

-С времени цветения маков до времени откочевки на зимовье долбил я камень в горе. А потом... однажды... смеркалось. Я вылез наружу с рудой, убил стражника и убежал...

Шабдан долго молчал, потом залез в пояс, вынул оттуда еще золотую монету и протянул Ибрагиму;

-Добавь к калыму... Ты - настоящий джигит.

Наутро Шабдан уехал. Он твердо решил отказаться от пожалованного ему мюлька.

Сельчане собрались у мазанки Ибрагима (Ибрагим никому не сказал о подарке бека, он боялся, что соседи потребуют деления. И тогда прощай навек мысли о женитьбе). Старый Максут (тот, у

кого отобрали последнего ишака) покачал головой:

-Как жить дальше? Там - ханские сборщики, здесь - бековы сборщики... Заблещешь - волк сожрет, не заблещешь - чабан зарежет...

-Слушай, - спросил кто-то у старосты. - То, что поменялся у нас хозяин - лучше или хуже?

-Какая разница! - отвечал Бабаджан. - Белая собака, черная собака - все равно собака. А теперь вот что скажу я вам, земляки. Был у меня баран, и того съели гости. Что осталось? Эта развалюха, кетмень да рваный халат. Брошу все, пойдем-ка мы с халатом вдвоем куда глаза глядят.

Сельчане разом загомонили;

-Одумайся, Бабаджан! Куда от земли, от крыши?

-Утке потоп не страшен. Мертвый бык топора не боится. Когда ничего нет, и заботиться не о чем. Тридцать лет пытался жить я трудом рук своих, а что получилось? Живут беки да баи, а тот, у кого кетмень в руках, сам в булыжник превратится. Верно, что пеший конного не догонит.

Бабаджан запахнул полы драного халата, поклонился односельчанам;

-Да пребудет с вами Аллах. Пойду.

-Не делай этого! Везде есть беки, везде достанут ханские сборщики. К тому же говорят, на дорогах развелось много разбойников. Последнее отнимут...

-Чего мне бояться? С голого и семерым шайтанам штанов не снять. Прощайте...

АМАН ГАЗИЕВ

¹ Первое правление Худояр-хана: 1844-1858 гг.